

25-11

АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР

Институт истории имени акад. И. А. Джавахишвили

на правах рукописи

О. В. ЦКИТИШВИЛИ

ИЗ ИСТОРИИ ХУРРИТСКОГО ОБЩЕСТВА ПО МАТЕ-
РИАЛАМ АРХИВА НУЗИ

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени кандидата
исторических наук

Издательство Академии наук Грузинской ССР

Тбилиси—1956

Диссертационная работа подготовлена на кафедре истории стран Ближнего Востока Тбилисского государственного университета имени И. В. Сталина.

Архив Нузи, именуемый по древнему названию современного местечка в Курдистане Иальган-тепе, является единственным источником для освещения некоторых вопросов социально-экономической истории хурритов, одной из значительных этнических групп II тысячелетия до н. э. Изучение материалов архива показывает, что в эпоху составления нузийских клинописных табличек Нузи входил в состав одного из могущественных хурритских государственных объединений того времени — царства Митанни. Поэтому исследование социально-экономических отношений среди хурритов Нузи, на наш взгляд, вместе с тем является, если не прямым, то, по крайней мере, косвенным образом изучением социально-экономических отношений, имевших место в хурритском государстве Митанни.

В советской историографии нет специальной монографии, посвященной вопросам изучения социально-экономических отношений хурритского общества по материалам архива Нузи. В трудах советских ученых имеются отдельные положения о характере слагавшихся среди хурритского населения Нузи социально-экономических отношений, опирающиеся на изучение данных документов архива. Эти положения, несомненно, оказали нам неоценимую помощь при нашей работе над изучаемым нами объектом.

* * *

Диссертационная работа состоит из трех глав.

В первой главе изложены вопросы, касающиеся археологических раскопок и публикации документов, датировки архива, характера архива, а также приведены материалы, указывающие на несомненный хурритский основной этнический состав населения Нузи.

Клинописные документы из Киркука (древ. Аррапха, в нескольких километрах от Нузи — Иальган-тепе) стали известны древневосточной науке еще с конца XIX века. Однако, несмотря на это, первые шаги к систематическим археологическим раскопкам были предприняты лишь только в середине 20-ых годов текущего столетия. Начиная с 1925 г., в течение семи лет проводимых археологических раскопок в районе современного Иальган-тепе было обнаружено около четырех тысяч клинописных глиня-

ных табличек, исписанных аккадской клинописью на аккадском же (ассиро-вавилонском) языке.

Опубликованные на сегодня документы архива Нузи по характеру обработки и издания подразделяются на три основные группы. К первой группе относятся документы, опубликованные только в автографии. Ко второй группе документов принадлежат таблички архива, изданные в транскрипции. И, наконец, к третьей группе табличек относятся классифицированные по своему характеру документы в транскрипции, переводе и с филологическими комментариями.

Издания первой группы документов в основном осуществлены Э. Чиера, Э. Лахеманом и Р. Пфейффером. Издателями второй группы документов являются Э. Лахеман и Р. Пфейффер. Третья группа документов классифицирована, транскрибирована, переведена, снабжена филологическими примечаниями и приложениями Э. Чиера, Р. Пфейффером, Е. А. Спейзером, А. Саарисало и С. Гордоном.

Издания последней группы документов в некоторых случаях не лишены недостатков. Так, например, недостатком труда А. Саарисало, на наш взгляд, является чрезмерное увлечение издателем табличек передач в транскрипции шумерских идеографических выражений вместо соответствующих им общеизвестных аккадских (ассиро-вавилонских) понятий, так как это обстоятельство делает иной раз и без того трудно поддающийся точному пониманию нузийский документ из-за наличия в нем неизвестных по своему смысловому значению хурритских слов более труднопонижаемым.

Несмотря на более или менее богатый фонд издания документов архива, определенная часть табличек остается все еще не изданной. В частности, над изданием киркукских табличек, хранящихся в Ленинградском Государственном Эрмитаже, работает Н. Б. Янковская.

Крайне трудным для архива Нузи оказался вопрос относительно его точной датировки. Причиной такого положения явилось отсутствие среди табличек архива документов чисто исторического характера.

С. Гадд датировал опубликованные им собственно киркукские документы по палеографическим признакам второй половиной II тысячелетия до н. э., приблизительно 1400 г. до н. э. Э. Чиера, обнаруживший в районе Иальган-тепе при первых же археологических раскопках 1925 г. свыше 1000 табличек, стал датировать их первой половиной II тысячелетия до н. э., временем между началом и серединой II тысячелетия до н. э.

Так обстояло дело до открытия среди нузийских документов очень важного письма, адресованного митаннийским царем Сауш-

шатаром, сыном Парсасатара, некоему Итхиа. Опираясь на это письмо, Е. А. Спейзер, считавший Суашшатара современником египетского фараона Тутмоса III, царствование которого, по утверждению того же Е. А. Спейзера, началось в 1501 г. до н. э., стал датировать архив Нузи серединой II тысячелетия до н. э. По мнению И. Гельба, царь Саушшатар, предшественник Артама I, царя Митанни, современника Тутмоса IV, был современником не Тутмоса III, а современником египетского фараона Аменхотепа II, царствовавшего, по И. Гельбу, придерживающегося принципа т. н. короткой хронологии, от 1450 г. до 1415 г. до н. э. Отсюда, следовательно, архив Нузи И. Гельб датирует второй половиной XV в. до н. э. Поэтому каков бы не был наш подход к вопросу датировки архива Нузи, его документы должны быть датированы приблизительно серединой II тысячелетия до н. э.

Особо важное место в настоящей главе нашей работы занимает вопрос о том, является ли архив Нузи частным или государственным архивом страны Нузи—Аррапха.

В специальной литературе распространено мнение о том, что нузийские таблички являются документами, происходящими из частных, но ни в коем случае не из государственных зданий. За рубежом это мнение поддерживается почти всеми учеными, работающими над документами архива Нузи.

Иное мнение относительно характера архива имеет И. Гельб. Этот последний, видя, очевидно, несостоятельность взгляда исследователей, считающих архив Нузи частным архивом, стал утверждать, что таблички архива Нузи являются документами, происходящими как из частных, так и из официально-государственных зданий.

Совершенно противоположный взгляд о характере архива имеет Г. Леви. По мнению последней, архив Нузи является не частным, а государственным архивом царской администрации страны Нузи—Аррапха.

У нас этой точки зрения придерживается Н. Б. Янковская.

Действительно, некоторые факты, имеющиеся в нашем распоряжении, говорят в пользу того, что архив Нузи являлся не частным, а государственным архивом. В частности, находка среди нузийских документов т. н. исторического списка, опубликованного Чиера-Спейзером, целого ряда официальных писем, в том числе и письма Саушшатара, царя Митанни, документов о судебных процессах, например, документов судебного процесса об алчной деятельности Кушшихарбе, старосты общины (hazan-pi), и, наконец, обнаружение в самом Нузи дворца царя или правителя страны Нузи—Аррапха, указывающего на то, что Нузи являлся не простым провинциальным городом, а администра-

тивным центром страны, дает нам основание полагать, что найденные здесь клинописные таблички хранились не в частных домах, а в государственных зданиях, которые представляли государственный архив страны.

Документы архива, хронологически относящиеся к середине II тысячелетия до н. э.¹, составлены, как было указано выше, на аккадском (ассиро-вавилонском) языке. Однако, несмотря на это, основным этническим составом населения Нузи-Аррапха в интересующую нас эпоху, как известно, были хурриты, а не семиты-аккадийцы. Фактами, подтверждающими это обстоятельство, являются, в первую очередь, данные ономастики. Достаточно, например, указать на то, что из всех засвидетельствованных в документах архива 2389 собственных имен 1500 имен являются хурритскими. Остальная часть ономастики Нузи приходится на долю представителей других этнических групп (ассиро-вавилонян, касситов и др.). Это же подтверждается также некоторыми особенностями нузийского диалекта ассири-вавилонского языка. Так, например, одной из характерных особенностей языка табличек является смешивание субъекта и объекта местоимений, смешивание субъекта множественного числа и объекта единственного числа и субъекта единственного числа и объекта множественного числа. Явление — объясняемое, на наш взгляд, на почве слабого знания ассири-вавилонского языка хурритами — писцами, составлявшими нузийские таблички. И, наконец, наличие в лексике языка документов архива целого ряда хурритских слов, в особенности хурритских числительных (uqqa «один», mala «один»?, šin(t) «два», kik «три»?, tumn «четыре», kiš «десять» и nubi «десять тысяч»), указывает на то же обстоятельство.

* * *

Во второй главе диссертационной работы мы коснулись некоторых вопросов т. н. хурритской проблемы с тем, чтобы иметь в той или иной степени определенное представление о той этнической группе, к которой принадлежит население, оставившее нам целый архив клинописных документов.

Настоящая глава состоит из двух разделов.

В первом разделе мы рассматриваем вопросы, касающиеся истории хурритских племен в III тысячелетии до н. э. В связи с этим в диссертационной работе рассмотрены взгляды некоторых исследователей, относящиеся к вопросу локализации страны Субарту (SUBARTU), с географическим названием которой в месопотамских источниках III тысячелетия до н. э., в частности в табличках из Дрехема и Джохы, часто выступают хурритские элементы.

В научной литературе нет единого мнения относительно вопроса точной локализации страны Субарту. По мнению одних исследователей, Субарту занимала территорию, расположенную между нагорным Загром и р. Тигр, по мнению других же, она была расположена между нагорным Загром и р. Евфрат. Несомненно правильной, на наш взгляд, является последняя точка зрения, так как Северная (Верхняя) Месопотамия, в частности территория между р. Тигр и р. Евфрат, район будущего хурритского царства Митанни, в интересующую нас эпоху, повидимому, уже являлась основным и вместе с тем, возможно, древнейшим очагом хурритских племен. Отсюда определенная часть хурритского элемента, по всей вероятности, попадала в районы Южной Месопотамии.

Б. Ландсбергер и А. Гетце, допуская наличие хурритского элемента в Южной Месопотамии в III тысячелетии до н. э., категорически отрицали его присутствие в интересующую нас эпоху в Верхней Месопотамии фактом отсутствия хурритского элемента в ономастике документов, происходящих из Канеса (сов. Кюльтепе), древнего торгового центра семитских купцов Ашшура в Каппадокии. Но это утверждение оказалось несостоятельным. В частности, и каппадокийская ономастика, как известно, содержит целый ряд хурритских имен.

С другой стороны, А. Гетце, отрицая наличие хурритского элемента в Верхней Месопотамии, указывал на то обстоятельство, что причиной прекращения сведений из древнего ассирийского центра Канеса является как будто бы перемена этно-политической карты Северной (Верхней) Месопотамии, приход сюда хурритских племен и занятие ими интересующего нас района. Это утверждение А. Гетце, не принимая во внимание даже довольно убедительные факты, доказывающие наличие хурритских племен в Верхней Месопотамии в III тысячелетии до н. э., вряд ли может соответствовать действительности.

Известно, что торговые колонии ассирийских купцов в восточной Малой Азии, у современного Кюльтепе основаны были ими среди местного хаттского (протохеттского) населения, которое, по утверждению исследователей, являлось коренным населением страны. Найденные же в Кюльтепе клинописные таблички датируются концом III и началом II тысячелетия до н. э. Таким образом, к началу II тысячелетия до н. э. прекращаются сведения об ассирийских колониях Малой Азии. К этому же времени, как известно, в Малой Азии происходят какие-то все еще не вполне ясные для специалистов события. Достоверно известно

¹ В Иальган-тепе, как известно, обнаружены также свыше 200 табличек, датированных III тысячелетием до н. э.

только то, что к началу II тысячелетия до н. э. здесь на арене истории древней Передней Азии появляются хеттско-неситские индоевропейские племена. Их появление и прекращение сведений из торгового центра семитских купцов Ашшура как бы совпадают друг с другом. Следовательно, прекращение сведений из Канеса, по всей вероятности, следует объяснить не переменной этно-политической карты Верхней Месопотамии, приходом сюда хурритских племен к началу II тысячелетия до н. э. и их консолидацией, как утверждает А. Гетце, а теми историческими событиями, которые должны были развернуться к началу II тысячелетия до н. э. в Малой Азии. В частности, появление на арене истории хеттско-неситских племен и, возможно, начавшийся процесс их консолидации, повидимому, прервали всякие отношения ассирийских купцов с древней Каппадокией, что и явилось причиной прекращения сведений о торговых колониях Ашшура.

В работе оспаривается приемлемость термина «субарту» в пользу термина «хурри» как этнического обозначения хурритских племен. Правомочность термина «хурри» вместо предлагаемого А. Унгнадом термина «субарту» подтверждается целым рядом фактов. В частности, достаточно, на наш взгляд, указать на то обстоятельство, что под термином «субарту», «субарийцы», являвшимся географическим обозначением страны, расположенной где-то севернее Вавилонии между р. Евфрат и нагорным Загром, невозможно подразумевать только хурритские племена, так как страна Субарту, по всей вероятности, была населена также различными от хурритов этническими группами. Так, например, в состав территории Субарту, повидимому, входила, если не вся, то, по крайней мере, определенная часть территории древнего Гасура (Нузи II тысячелетия до н. э.), раскопки которого показали, что этот район в III тысячелетии до н. э. был населен в основном семитами. Таким образом, народом, жившим на территории Субарту, были не только хурриты, но и семиты-аккадийцы.

В настоящем разделе диссертационной работы мы подробно касаемся также вопроса т. н. хурри-субарийской проблемы, выдвинутой И. Гельбом в сороковых годах текущего столетия. Это новое положение И. Гельба, утверждающее о том, что хурриты и субарийцы якобы являются отличными друг от друга этническими группами, скептически было встречено некоторыми учеными. К числу таких исследователей принадлежат, например, А. Гетце, Ф. Бель и в особенности Е. А. Спейзер.

Второй раздел посвящен некоторым вопросам истории хурритских племен и их политических объединений во II тысячелетии до н. э.

Повидимому, к концу III и началу II тысячелетия до н. э. начинается постепенное и все более усиливающееся проникновение хурритских племен в различные районы древнего Переднего Востока. В частности, уже в III тысячелетии до н. э. в семитский Гасур (Нузи II тысячелетия до н. э.) постепенно начинает проникать хурритский элемент. Во II тысячелетии до н. э. хурритские племена населяют обширную территорию от Нузи на востоке до восточных районов Малой Азии на западе и от района Ванского озера на севере до Египта на юге. На всем пространстве древней Передней Азии хурриты, разумеется, не представляли единой компактной массы, но сам по себе факт их столь широкого распространения говорит о довольно-таки большом удельном весе, который они должны были иметь среди народов древней Передней Азии II тысячелетия до н. э. Тем не менее, несмотря на факт широкого распространения хурритских племен, в специальной литературе отмечается одно весьма редкое и вместе с тем интересное явление, явившееся предметом специального исследования И. Фридриха. В частности, изучение языка хурритских текстов из Богаз-кей и Рас-Шамры, письма митаннийского царя Тушратты и лексик и ономастики Нузи показало, что различия между языками этих текстов едва ли выходят за рамки диалектного характера. Это обстоятельство, а также почитание одних и тех же богов хурритского пантеона божеств как, например, в Нузи, так и в Богаз-кей и Рас-Шамре указывает на недавний факт распространения хурритских племен и на все еще сохраняющуюся общность языка и культуры так далеко живших друг от друга хурритов.

К середине II тысячелетия до н. э., повидимому, при Саушшатаре (ок. 1500 г. до н. э.) успешно завершается процесс консолидации хурритских племен в Верхней Месопотамии и создается могучее хурритское государственное объединение—царство Митанни в районе р. Хабур и р. Балих. Митанни успешно соперничал с государствами древней Передней Азии—Египтом и хеттами, но при Маттивазе он попадает под влияние государства хеттов, а затем становится добычей усилившейся Ассирийской державы.

Наряду с царством Митанни во второй половине II тысячелетия до н. э., повидимому, важную роль в международной жизни древней Передней Азии играло также царство Хурри, локализуемое большинством исследователей в районе Ванского озера.

В зарубежной буржуазной литературе, как известно, широкое распространение получила т. н. теория «об индоевропейской господствующей верхушке» среди неиндоевропейских народов. Эта в корне порочная буржуазная теория особенно большое при-

менение имеет в отношении хурритского этнического коллектива. Нет почти ни одного объемистого труда, в котором бы не проводилась эта т. н. теория «об индоевропейской господствующей верхушке» среди хурритских племен. Однако, весь ход исторического развития хурритских племен и огромное количество фактического материала лишают такого рода теории какого-либо основания.

* * *

В третьей главе рассматриваются некоторые вопросы социально-экономической истории хурритского общества по материалам архива Нузи.

Основной формой социально-экономических отношений среди хурритов Нузи, также как и у других народов древней Передней Азии в интересующую нас эпоху, было раннее рабовладение. Поэтому, естественно, что в этой главе прежде всего дан краткий обзор рабства.

Рассматриваются вопросы, касающиеся источников рабства. В Нузи, также как и в других странах древнего Переднего Востока, одним из основных источников рабства были, повидимому, войны, если принять во внимание то обстоятельство, что в эпоху составления табличек интересующего нас архива Нузи-Аррапха входила в состав царства Митанни, цари которого, как известно, вели непрекращавшиеся в течение продолжительного времени захватнические войны с целью захвата стратегических пунктов и добычи, в том числе и военнопленных, превращаемых в рабов.

Особо важное значение для нузийских хурритов, по всей вероятности, имели их тесные торгово-экономические связи с племенами гор Загра, в частности с лулубийцами (нулубийцами, по нузийским документам). В связи с этим в работе дан краткий очерк истории племен нагорного Загра-эламитов, касситов, гутиев и, наконец, лулубийцев.

Во всех нузийских документах, касающихся передачи, купли-продажи или обмена рабами, имеются условия, гарантирующие соблюдение договора, заключенного между двумя сторонами. Нередко в такого рода документах в качестве возмещения за нарушение заключенного договора упоминаются лулубийские рабы или рабыни. Особо важное место в жизни хурритского общества Нузи, повидимому, имели лулубийские рабыни.

Нузийские хурриты имели сношения не только с племенами нагорного Загра. Они общались также со многими другими странами, расположенными, повидимому, по соседству с Нузи-Аррапха. Нередко в развернувшейся широкой торговле между хурритами—нузийцами, с одной стороны, и другими древневосточны-

ми племенами, с другой, объектом купли-продажи, по всей вероятности, становились также рабы.

Третий раздел настоящей главы специально посвящен вопросу о людях категории хабиру (ḪABIRU).

Известно, что вопрос о людях категории хабиру стал объектом изучения еще несколько десятков лет тому назад. Поэтому совершенно естественно, что вокруг вопроса хабиру существует обширная историко-филологическая литература. Людей категории хабиру разные исследователи вопроса относили чуть ли не ко всем этническим группам древней Передней Азии. Галеви и Гильпрехт, например, полагали, что хабиру этнически принадлежали к вавилонским касситам. Также хорошо известно, что в хабиру многие исследователи предполагали предков еврейских племен. В пользу такого предположения говорило как будто и сходство термина «ḪABIRU» с библейским 'ibrim. А. Клей относил хабиру к «хетто-митаннийской» этнической группе. В. Шейль полагал, что хабиру этнически принадлежали к племенам загро-эламской группы и т. д.

Однако, изучение ономастики людей категории хабиру отвергло такого рода утверждения исследователей относительно вопроса их происхождения. Оказалось, что этнически хабиру принадлежат к разным этническим группам. В связи с этим в научной литературе в конце 20-ых и начале 30-ых годов текущего столетия снова встал вопрос о происхождении людей категории хабиру, встречающихся, подобно хурритам, почти на всем пространстве древнего Переднего Востока— в Хеттском государстве, Палестине, даже в далеком Египте, Вавилоне и, наконец, в Нузи. Вместе с тем изучение материалов, касающихся хабиру, показало, что хабиру в разных странах, повидимому, в зависимости от политических обстоятельств, занимали различные социальные положения. Если, например, в Палестине, стране, раздробленной на ряд независимых друг от друга княжеств, но находившейся под господством Египта времен Нового царства, люди категории хабиру вели успешную борьбу против местных князьков и правителей, то в Нузи, входившей в состав могучего Митаннийского царства, они встречаются исключительно в положении рабов.

Б. Ландсбергер считал хабиру по происхождению политическими эмигрантами. Э. Чиера, опираясь на изучение документов архива Нузи, видел в хабиру военнопленных. Ни то, ни другое, на наш взгляд, не может соответствовать действительности. Неправильен сам подход к разрешению вопроса происхождения людей категории хабиру. Социальные явления в жизни тех или иных народов той или иной эпохи, как известно, объясняются не политическими взаимоотношениями, существовавшими между

отдельными государствами, а производственными, экономическими отношениями между различными социальными классами общества, установившимися у тех или иных народов.

Благодаря исследованиям советских ученых установлено, что основной производственной ячейкой в странах древней Передней Азии, находившихся на раннерабовладельческом этапе общественно-экономического развития, были общины; это — характерная черта восточных стран, что, как указывает Ф. Энгельс¹, является результатом своеобразных географических условий. Таким образом, основными производителями материальных благ в странах древнего Переднего Востока являлись свободные общинники. Однако, исследования экономического положения общин и общинников переднеазиатских государств, в особенности Двуречья, показали, что в середине II тысячелетия до н. э. происходит интенсивное разложение некогда прочно укоренившегося в их жизни уклада. Земля, находившаяся в распоряжении общин, вопреки существующему запрету на отчуждение все более и более становится объектом купли-продажи. Отчуждаемость недвижимого имущества превращается в средство концентрации участков земли в руках крупных землевладельцев в ущерб обнищавшим членам общин. Поэтому, совершенно естественно, на наш взгляд, что такого рода взаимоотношения, имевшие место между свободными членами общин, с одной стороны, и разбогатевшей верхушкой, выделившейся из рядов общинников, с другой, иной раз должны были вылиться в определенную форму классовой борьбы. Одной из форм проявлений этой классовой борьбы в интересующую нас эпоху, повидимому, было бегство, оставление издревле насиженных общинниками мест. Отсюда, по нашему мнению, понятна и этимология термина *HABIRU*, предложенная Ю. Леви, «пришелец, чужестранец». Понятным является также, на наш взгляд, то жестокое наказание, которое мог понести хабиру по документу Нузи, за расторжение заключенного им договора.

В работе дан обзор нузийских документов, касающихся порабощения хабиру.

В диссертационной работе дан анализ тех нузийских документов, которые более или менее, как нам кажется, выявляют состояние не только общинной собственности на землю, но также вместе с тем дают определенное представление о социально-экономическом положении общинников, владевших этой собственностью.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные письма, М., 1948, стр. 74—75.

В связи с вопросом состояния общинной собственности на землю в работе дан общий разбор т. н. *šure'ultu* документов (*tuppi šure'ulti*), т. е. документов, касающихся обмена земельными участками.

Среди нузийских документов, касающихся обмена участками земли, имеются три группы *šure'ultu* документов. К первой группе таких документов относятся договоры об обмене земельными участками, равными друг другу как по размеру, так и по стоимости. Ко второй группе *šure'ultu* документов относятся сделки, выявляющие обмен участками земли, отличными друг от друга как по размеру, так и по стоимости. К третьей группе документов относятся договоры, касающиеся обмена участками земли, неопределенными ни по размеру, ни по стоимости.

Основным результатом сделок об обмене недвижимостью, на наш взгляд, была не только консолидация, но и концентрация участков земли в руках разбогатевшей верхушки за счет разорения и обнищания свободных членов сельских общин. Это явление, разумеется, тяжело отражалось на экономическом положении общинников.

В Нузи широкое распространение имела, повидимому, передача земли во временное пользование должником кредитору. Это явление ясно видно по т. н. *ditennūtu* документам.

П. Кошакер видел в *ditennūtu* документах сделки о полном отчуждении недвижимости. Позднее, более объективно подойдя к разрешению вопроса относительно их цели и характера, это мнение относительно *ditennūtu* сделок было им же отвергнуто.

Этимология термина *ditennūtu* не вполне ясна. Одна часть ученых (В. Шейль, С. Гадд, Э. Кук и др.) считает, что он этимологически связан с аккадским глаголом *padānu | tadānu*, Е. А. Спейзер видит в термине *ditennūtu* аккадский корень *danānu*. Ф. Стиль воздерживается давать какую-либо этимологию, но не сомневается в том, что он по происхождению является аккадским. П. Кошакер и Г. Леви предлагают хурритскую этимологию термина. Предложенная Г. Леви этимология термина от хурритского глагола *tat* «быть в дружбе» кажется мало убедительной, так как эта этимология проистекает из ее порочного взгляда о якобы полной гармонии, существующей в обществе, разделенном на крайне противоположные по своему социальному положению антагонистические классы.

Среди документов архива имеется два вида *ditennūtu* сделок касающихся недвижимости: 1. *tup-pi di-te-en-nu-ti ša X, māṛ U*, т. е. «документ *ditennūtu*, принадлежащий X, сыну U» и 2. *li-šān-šu ša X, māṛ U a-na* (или *i-na*) *pa-ni ši-bu-ti ki-am* (или *ki-na*

an-na) iq-ta-bi, т. е. «X, сын У перед свидетелями сказал следующее» или же Um-ma X, māṛ U a-na ra-ni ši-bu-ti ki-am iq-ta-bi, т. е. «итак X, сын У перед свидетелями (сказал) следующее». В работе приведены условия, содержащиеся в документах ditennūtu, вскрыты характер и цель этих сделок.

Наряду с ditennūtu сделками, касающимися участков земли, среди табличек архива имеются также ditennūtu сделки о передаче или «добровольном» вступлении личности в ditennūtu, т. е. в долговую кабалу. Среди этих документов также имеются двояким образом оформляемые сделки: 1. ṭup-pi di-te-en-nu-ti ša X, māṛ U и lišan-šu ša X, māṛ U a-na ra-ni amēlūti (ši-bu-ti) ki-am iq-ta-bi или Um-ma X, māṛ U a-na ra-ni ši-bu-ti ki-am iq-ta-bi. В работе изложены условия, содержащиеся в такого рода документах.

Среди хурритов Нузи, повидимому, широко практиковалась как срочная, так и бессрочная долговая кабала. Распространенная у нузийских хурритов система экономического закабаления являлась результатом тяжелого экономического положения общинников, с одной стороны, и, с другой стороны, крайней потребностью рабовладельческого хозяйства в даровой рабочей силе, так как рабство у хурритов, также как и среди других народов древней Передней Азии, «... не образует прямым образом основы производства, а является косвенным образом составной частью семьи, переходя в нее незаметным образом»¹.... Это явление прекрасно подтверждается, на наш взгляд, самим фактом малочисленности в архиве Нузи документов, касающихся рабов. Как было указано выше, в районе современного села Иальган-тепе было обнаружено до 4000 глиняных табличек. И среди этого большого количества табличек относительно разных по своему характеру сделок имеется всего лишь несколько десятков документов, касающихся непосредственно рабов. Малочисленность имеющихся в архиве документов относительно рабов прежде всего, по нашему мнению, объясняется не малым количеством документов о рабах, а непосредственным образом самим фактом малочисленности рабов. Отсюда, следовательно, понятен тот незначительный удельный вес, который должен был иметь раб в рабовладельческом хозяйстве хурритского общества Нузи.

Среди табличек архива Нузи имеются два вида документов об усыновлении.

Документы о настоящем усыновлении архива Нузи имеют ту же цель, что и другие древневосточные документы о настоя-

щем усыновлении. В частности, как известно, основной целью договоров о настоящем усыновлении является назначение усыновленного наследником оставленного усыновителями имущества как движимого, так и недвижимого.

В работе сличены нузийские документы о настоящем усыновлении с соответствующими документами эпохи Хаммураби (1792—1750 гг. до н. э.). По своему юридическому оформлению нузийские документы носят более совершенный вид, чем древневавилонские тексты договора о настоящем усыновлении.

Среди хурритов Нузи широкое распространение имела купля-продажа земли под скрытой формой т. н. усыновления, своеобразный способ оформления документов, предоставляющих усыновленным право на владение участками земли как de jure, так и de facto. Эта форма документов усыновления в отличие от документов о настоящем усыновлении в специальной литературе получила название о ненастоящем усыновлении или продаже—усыновлении (sale-adoption). Однако, как совершенно справедливо указывает И. М. Дьяконов, несмотря на всеобщий характер лжеусыновлений и отсутствие каких-либо иных форм отчуждения недвижимости, совершенно другое понимание относительно характера и цели документов о ненастоящем усыновлении предлагает Г. Леви. По ее мнению, документы о ненастоящем усыновлении являются не юридически скрытыми формами сделок, преследовавшими цель приобретения недвижимости, а лишь только договорами, заключавшимися между царскими чиновниками (таким, по мнению Г. Леви, был Техиптилла, сын Пухишени, занимавший якобы должность ḫalṣuḫlu), с одной стороны, и арендовавшими участки земли лицами, с другой. Таким образом, Г. Леви полностью отрицает наличие в хурритском обществе Нузи многочисленных сельских общин, которые, как известно, являлись коллективными собственниками недвижимости, находившейся лишь только во владении общинников, так как «там, где собственность существует только как общинная собственность, отдельный член как таковой бывает только владельцем, наследственным или не наследственным, особого участка, так как каждая частица собственности принадлежит не кому-либо из членов в отдельности, а индивиду как непосредственному члену общины, т. е. как лицу, живущему в единстве с общиной, а не в отличие от нее. Стало быть это отдельное лицо является только владельцем. Существует только коллективная собственность и только частное владение»¹. И среди нузийских хурритов, следовательно, земля, являвшаяся собственностью общины, не могла

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIV, стр. 451.

¹ К. Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству, М., 1940, стр. 11.

быть отчуждаемой общинником, который являлся лишь только владельцем, а не собственником земли. В этой связи несостоятельным является также взгляд П. Кошакера, считающего, что в лице *maḥḥi* документов о ненастоящем усыновлении мы имеем сделки, касающиеся отчуждения наделов, даваемых за воинскую службу. Именно запретом на отчуждение недвижимости, на наш взгляд, объясняется наличие среди документов архива т. н. *maḥḥi* сделок о ненастоящем усыновлении, которые являются фактически юридически оформленными документами, предоставляющими усыновленному полные права на владение земельными участками, приобретенными им от усыновляющих.

В работе дана общая схема изложения сделок о ненастоящем усыновлении. Единственной и вместе с тем основной разницей между документами о настоящем и ненастоящем усыновлении в общей схеме изложения является указание границ и размеров участков земли, отчуждаемых усыновляющими усыновленному по *maḥḥi* документам о ненастоящем усыновлении.

По своим формально-юридическим и экономическим последствиям для общинника, на наш взгляд, гораздо тяжелее была *maḥḥi* сделка с *ilku* условием о приобретении усыновленным от усыновляющего участка земли, но, по всей вероятности, с оставлением последнего на отчужденном им участке.

В специальной литературе нет единого мнения относительно соответствия передаваемой суммы (или подарка = *qīṣtu*) и реальной стоимости отчуждаемого участка. Одна часть исследователей считает, что, сумма, передаваемая усыновленным усыновляющему, не соответствует реальной стоимости отчуждаемого участка. Другая часть ученых сумела даже вычислить среднюю сумму стоимости отчуждаемых участков и т. д. Фактом является то обстоятельство, что передаваемая усыновленным (покупателем) усыновляющим (продавцам) сумма не всегда соответствует стоимости отчуждаемых участков одного и того же размера и в иных случаях бывает даже гораздо выше средней стоимости.

Существующим среди хурритов Нузи коллективной, общинной собственности на землю и практике ее отчуждения «несколько не противоречит, что ... **связывающее единство**, возвышающееся над всеми этими мелкими коллективами, выступает как **высший собственник** или **единственный собственник**, в силу чего действительные общины выступают лишь как **наследственные владельцы**»¹.

¹ К. Маркс, там же, стр. 6.